

Норвежская сказка " Королевские зайцы "

У одного старика было три сына. Старшего звали Пер, среднего — Поль, а младшего Эспен, по прозванию Лежебока. Хотя, если правду говорить, все трое были порядочные лентяи. Делать они ничего не хотели потому, что для всякой работы они, видите ли, были слишком хороши, а для них всякая работа была слишком плоха.

Как-то раз услышал старший брат Пер, что король ищет пастуха для своих зайцев, и говорит:

— Вот эта работа по мне! Ни забот, ни хлопот. Зайцы ведь не коровы, не лошади: их ни купать, ни поить, корму им не задавать... А честь не малая — как-никак самому королю служишь!

Отец стал его отговаривать.

— Да куда тебе, сынок, в пастухи наниматься! Зайцев пасти — не то что галок в небе считать. Ты вот с утра до вечера на лежанке валяешься, так тебе с боку на бок повернуться и то лень, а пойдёшь в заячью пастуху — только успевай во все стороны вертеться.

Но сколько ни говорил отец, лишь напрасно слова тратил.

Уж если Пер что-нибудь вбил себе в голову — значит, так тому и быть. Вскинул он дорожный мешок за плечи и пошёл наниматься к королю.

Шёл он, шёл и зашёл так далеко, что дальше, кажется, уж некуда. Вдруг видит: у самой дороги стоит пень, а возле пня — старуха. Топчется старуха на одном месте, а отойти не может, будто кто её привязал. Только на самом деле никто её не привязывал, а просто это нос у неё в расщелину попал, рот ей и не отойти от пня.

Как увидел это Пер — давай хохотать!

Рассердилась старуха.

— Ну чего зубы скалишь? — говорит.— Ты бы лучше помог мне. Вот уже сто лет прошло, а я дальше своего носа ничего не вижу. Крошки во рту не держала, маковой росинки не отведала.

Пер захохотал пуще прежнего.

— Вот это потеха так потеха!.. Ну, коли ты сто лет терпела, так можешь ещё сто потерпеть! — сказал Пер. И пошёл дальше.

Пришёл он в королевский замок и потребовал, чтобы его провели прямо к королю.

Король сидел на золотом троне в короне и мантии.

Он милостиво принял Пера, и они быстро обо всём сговорились. Работы от Пера не требовалось никакой, только пасти зайцев, а еду и жалованье король назначил ему прямо королевские. Правда, король сказал, что, если хоть один заяц из его королевского стада пропадёт, у Пера вырежут из спины три ремня, а самого его бросят живым в змеиный ров. Ну да Пера не так-то легко было запугать. Он и слушать про это не стал и сразу потребовал себе королевский ужин.

На другой день Пер отправился пасти зайцев.

Зайцы оказались послушными и смирными, как ягнята.

Они чинно шли по лугу, и ни один не отбился от стада даже на полшага. Но едва только Пер дошёл до леса, как зайцы, словно за ними неслась стая гончих, бросились врассыпную, кто куда. Пер с ног сбился, гоняясь за ними, да где там! Разве зайца догонишь!

Целый день бегал Пер по холмам, по горам, но не поймал даже самого маленького зайчонка.

Так и вернулся он в королевский замок один, без стада.

А в замке его уже поджидал палач с острым ножом в руках. Палач вырезал у Пера из спины три ремня и бросил его в змеиный ров. Одним словом, что король пообещал, то Пер и получил.

Прошло немного времени, и стал средний брат Поль собираться в путь-дорогу. Тоже легкой работы захотел.

Уж как только отец его не отговаривал! Но Поль, так же как и Пер, и слушать его не стал. Вскинул Поль дорожный мешок за спину и пошел наниматься в королевские пастухи.

Ну, про это и рассказывать долго не стоит. Всё, что случилось с Пером, случилось и с Полем.

По дороге увидел он ту же самую старуху и пожелал ей, так же как и его старший братец, простоять, не сходя с места, ещё сто лет.

Потом он пришёл в королевский замок, нанялся в пастухи, утром вышел из ворот замка с целым стадом, а вечером вернулся в королевский замок без единого зайца.

Ну и дальше всё было точь-в-точь, как с его старшим братом: вырезали у Поля из спины три ремня, а самого его бросили в змеиный ров.

Пришло время Эспену собираться в путь.

— Чем я хуже братьев? — говорит Эспен.— Зайцев пасти — дело не трудное. Лежи себе, полеживай, грейся на солнышке да по сторонам поглядывай. От такой работы грех отказаться.

— Да что ты, сынок! — говорит ему отец.— Не берись не за свое дело, не по тебе эта работа. За таким зверем, как заяц, не то что бегать — птицей летать надо. А ты, как муха, прилипшая к смоле, ползаешь. К ногам у тебя словно гири стопудовые привязаны. Зайца поймать — не то что блоху рукавицей убить. Пропадёшь ты, как пропали твои старшие братья. Лучше бы ты дома сидел. А работа и здесь найдётся.

Но Эспен и слушать отца не стал. Не долго думая вскинул он дорожный мешок за плечи и отправился в путь.

Шёл он, шёл и порядком проголодался. Вдруг видит — у дороги стоит пень.

«Вот сяду я на этот пенёчек да и подкреплюсь немножко»,— думает Эспен.

Подходит — что за диво! — старуха носом в пень вросла.

— Добрый день, бабушка! — говорит Эспен.— Что это ты тут стоишь? Носик свой точишь?

— Какое там — нос точу! Хотела я себе щепок наколоть, обед готовить,— говорит старуха,— да и попала невзначай носом в щель. Сто лет возле этого пня стою, сто лет не пила, не ела, и никто меня не пожалел, ты первый ласковое слово сказал. Сослужи мне, добрый человек, службу, помоги нос вытащить, а уж я тебя отблагодарю, в долгу не останусь.

Ну, Эспен живо скинул мешок, вогнал в расщелину пня толстый клин — старуха и вытащила нос из щели.

— А теперь, бабушка,— говорит Эспен,— давай закусим. Самое время сейчас завтракать.

Достал Эспен из мешка хлеб и сало и протянул старухе.

Сами понимаете, уговаривать её не пришлось — за сто лет порядком проголодалась!

Поела старуха как следует и говорит:

— Ну, парень, ты меня пожалел, от беды избавил, и я тебя пожалею, от беды спасу. На вот возьми эту дудочку. Эта дудочка не простая. Свистнешь в один конец — все от тебя мигом разбегутся, свистнешь в другой конец — все к тебе назад прибегут. Да к тому же эта дудочка никогда не потеряется: продашь ли ты её, или обронишь, или выманят её у тебя,— она всё равно к тебе вернётся.

— Вот это подарок! — говорит Эспен.— Спасибо тебе, бабушка!

Он засунул дудочку поглубже за пазуху,— потому что хоть и волшебная она, хоть и не мог никто её украдь, а всё-таки лучше её от чужих глаз подальше припрятать,— потом распрощался со старухой и пошёл своей дорогой.

Приходит он к королевскому замку, а там его как раз и ждали. Король сразу нанял его в пастухи, положил ему хорошее жалованье и даже пообещал отдать за него принцессу, если только он будет исправно пасти зайцев.— Ну, а если не убережёшь стадо,— сказал король,— тогда пеняй на себя: вырежут у тебя из спины три ремня, а самого тебя бросят в змеиный ров.

— Что ж, согласен! — сказал Эспен.— А теперь давайте-ка мне скорее ужинать, а то с дороги я очень проголодался.

Поел Эспен, поспал, а утром, чуть свет, повёл зайцев на луг. Да прежде чем за ворота замка выйти, говорит королевским слугам:

— А ну-ка сосчитайте ваших зайцев, что-бы потом лишних споров-разговоров не было.

— Чего там считать,— говорят ему слуги,— они у нас давно пересчитаны. Ровным счетом девяносто девять зайцев.

— Ну, девяносто девять так девяносто девять.

Ушёл Эспен.

А король, чуть только закрылись за ним ворота, приказал сейчас же точить нож, да поострее! Король отлично знал, что никакому пастуху не уберечь зайцев, будь их девяносто девять, или сто, или десять — всё равно.

Тем временем Эспен преспокойно пас себе зайцев.

Зайцы шли по лугу так чинно и послушно, словно они были не зайцы, а смиренные овечки. Ни один не отбьётся, не вырвется, все друг к другу жмутся, один другого держится.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Так потихонечку, полегонечку добрёл Эспен со своим стадом до опушки леса. И тут словно бес какой вселился в зайцев — все кинулись врассыпную.

Да только Эспен не стал особенно горевать.

— Скачите,— говорит,— себе на здоровье куда ваши косые глаза глядят.

Достал он свою дудочку да еще и посвистел зайцам вслед, чтобы они подальше убрались и не мелькали перед глазами.

А сам преспокойно улёгся на травке да так и проспал весь день.

Вечером, когда солнце спряталось за горами, Эспен снова достал свою дудочку и только свистнул разок, как все зайцы сбежались на лужайку.

Да мало того, что сбежались, а ещё выстроились рядами, точь-в-точь как солдаты на параде.

— Ну, теперь — шагом марш! — скомандовал Эспен и повёл зайцев в королевский замок.

В это самое время король, королева и принцесса вышли из своих покоев, чтобы поглядеть, как палац будет расправляться с Эспеном.

И вдруг видят: идёт себе по дороге Эспен, а за ним — в целости и сохранности — заячье стадо.

Все так удивились, что глазам своим не поверили. Да и было чему удивляться!

Зайцы шли в ногу, точно солдаты, а впереди шагал Эспен и наигрывал на дудочке марш.

У ворот замка Эспен остановился и скомандовал:

— Раз! Два! Смирно!

И зайцы, притопнув лапками, остановились и замерли.

Тут уж король не выдержал и, забыв о своем королевском достоинстве, принял сам считать зайцев.

Как только он ни старался! И справа налево считал, и слева направо пересчитывал, и с начала до конца, и с конца до начала, а всё-таки зайцев было ровно девяносто девять, откуда ни считай, и ни одним меньше.

Тогда королева и принцесса тоже стали пересчитывать зайцев. Но и это не помогло ни на волос — зайцев было ровно девяносто девять.

— Я вижу, ты неплохой пастух,— проворчал король и, не глядя на Эспена, пошел в замок. Король был очень недоволен.

А принцесса подумала:

«Вот это молодец так молодец!» — и ласково взглянула на Эспена.

На другой день Эспен снова пошёл в лес со своим стадом.

Зайцев он разогнал подальше, чтобы они не мелькали у него перед глазами, а сам опять улёгся на травке.

Солнышко ласково припекало, земляники кругом было столько, что Эспен, не сходя с места, собирая её целыми пригоршнями, под боком у него была сумка, доверху набитая и печёным, и солёным, и жареным, а в кармане лежала волшебная дудочка.

Кажется, чего уж лучше! И в самом деле, Эспен ничего лучшего и пожелать не мог!

А король тем временем не знал ни одной спокойной минуты. Он даже от завтрака отказался и всё думал да раздумывал, как это Эспен ухитрился собрать всех зайцев.

А так как додуматься он всё равно не мог, то он решил сделать вот что: подослать к Эспену фрейлину, чтобы она выведала у Эспена его секрет.

Фрейлина не очень-то обрадовалась такому поручению.

Слыханное ли дело, чтобы первая фрейлина королевского двора разговаривала с простым пастухом! Но король не любил, когда с ним спорили, и ей пришлось пойти.

С кочки на кочку, от цветочка к цветочку, точно стрекоза, запрыгала она по лужайке и наконец добралась до опушки леса.

Разговор она начала издалека.

— Добрый день, Эспен!

— Добрый день, фрейлина!

— Не правда ли, какая хорошая погода, Эспен!

— Ваша правда, отличная погода, фрейлина!

— И птички как хорошо поют!

— Прекрасно поют, фрейлина!

Фрейлина замолчала, не зная, что бы ещё сказать.

И Эспен молчал.

— Послушай, Эспен, а что ты тут делаешь? — спросила наконец фрейлина.

— Как видите, пасу зайцев.

— Да ведь они у тебя все разбежались,— засмеялась фрейлина.— Я ни одного не вижу.

— Что ж, что разбежались,— сказал Эспен.— Когда надо будет, я их позову, они все и сбегутся ко мне.

— Это удивительно! — воскликнула фрейлина.— И почему это зайцы тебя слушаются?

— Да они не меня слушаются, а мою дудочку,— сказал Эспен.— Вот, поглядите сами.

Эспен дунул в свою дудочку, и верно — все зайцы мигом сбежались на лужайку.

— А хотите, дуну ещё раз, и все зайцы снова разбегутся.

Эспен дунул ещё раз, и верно — все зайцы разбежались.

— Ах, Эспен, что за прелест эта дудочка,— воскликнула фрейлина.— Не продашь ли ты её? Я охотно дам тебе за эту дудочку сто талеров.

— Сто талеров, пожалуй, маловато за такую дудочку,— сказал Эспен.

— Да что ты, Эспен! Надо всё-таки и совесть иметь! Ты только подумай — сто талеров! Тебе, верно, и не снились такие деньги!

— Что правда, то правда — больше одного талера я никогда ни во сне, ни наяву не видел. Ну ладно, давайте мне сто талеров, а в придачу снимите-ка с меня сапоги. Жара такая, что шевельнуться неохота.

— Ух как рассердилась фрейлина!

— Невежа! Грубиян! Как ты смеешь!.. Чтобы я, первая фрейлина королевского двора, снимала сапоги с какого-то пастуха!..

— Да ведь я вас не заставляю,— сказал Эспен.— Не хотите, не надо. Только дудочку я иначе не отдам.

Фрейлина чуть не заплакала от досады.

Нет, она ни за что не станет снимать сапоги с этого невежи!

Во-первых, она знатная дама, первая фрейлина при дворе короля.

Во-вторых, кто-нибудь может увидеть это, и тогда все придворные поднимут её на смех...

Но что там ни говори, а ведь без дудочки нельзя в замок вернуться.

Она поглядела по сторонам. Нигде никого не было.

— Давай сюда ногу! — решительно сказала фрейлина.

Она зажмурила покрепче глаза, чтобы даже самой не видеть того, что делает, и стащила с Эспена сапоги — сперва левый, потом правый.

Наконец всё было кончено.

Фрейлина отсчитала сто талеров, получила взамен дудочку и, очень довольная тем, что всё так хорошо обошлось, побежала домой.

Но всё обошлось не так уж хорошо. Когда фрейлина пришла в замок, дудочки у неё не было.

Она готова была поклясться чем угодно, что не потеряла дудочку, а всё-таки дудочки у неё не было.

И в этом нет ничего удивительного. Ведь фрейлина не знала, что дудочка эта — самая волшебная из всех волшебных дудочек на свете и что она всегда возвращается к своему хозяину, кто бы её ни взял, куда бы ни спрятал.

Так оно и случилось. Не прошло и пяти минут после того, как фрейлина ушла, а дудочка уже лежала в кармане у Эспена, и, когда наступил вечер, он опять собрал всех зайцев и привёл их в королевский замок — всех до одного!

На следующий день король и королева решили подослать к Эспену принцессу:

— Уж она-то выманит дудочку у Эспена,— сказала королева.

Принцесса сразу приступила к делу.

— Послушай, Эспен,— сказала она голосом нежным, как пенье жаворонка,— я знаю, ты такой добрый, что не откажешь мне в просьбе.

Моя фрейлина говорила, что у тебя есть чудесная дудочка. Продай мне эту дудочку! Я дам тебе за неё двести талеров.

— Такую дудочку я бы никому и за тысячу талеров не уступил,— сказал Эспен.— Но вам, прекрасная принцесса, уж так и быть, отдаю за двести, только в добавок набейте-ка мне трубку да раскурите её хорошенько.

— Ты, кажется, с ума сошёл! — закричала принцесса и даже топнула ножкой.— Я скажу моему отцу, чтобы он сегодня же отрубил тебе голову. Ты забываешь, что я принцесса!

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

— Ну что ж, что принцесса,— преспокойно сказал Эспен.— А такой дудочки и у вас нет.
«Это верно»,— подумала принцесса. Потом ещё немного подумала и сказала:
— Ну, ладно, давай сюда трубку.

Принцессе пришлось немало потрудиться, прежде чем она раскурила трубку. От горького дыма слёзы ручьем катились у неё из глаз, а в носу у неё так щекотало, что она чихнула по крайней мере двадцать семь раз. И это ещё не так много,— ведь она была самая настоящая принцесса, а принцессы трубок, как известно, не курят.

Наконец противная трубка раскурилась, принцесса отдала Эспену двести талеров, получила дудочку и бегом побежала домой.

Всю дорогу она так крепко сжимала кулак, в котором держала дудочку, что у неё даже рука онемела. И всё-таки, когда принцесса вернулась в замок, оказалось, что дудочки у неё нет, словно она сквозь пальцы высокользнула.

Тогда сама королева решила идти к пастуху.

Надо сказать, что королева была скуповата и никогда денег на ветер не бросала, но тут она сразу, не торгуясь, обещала Эспену триста талеров.

Но Эспену даже этого было мало. Он захотел, чтобы королева ещё почистила ему куртку.

Сначала королева отказалась наотрез и даже припугнула пастуха змеиным рвом.

Но дудочку надо было получить во что бы ни стало. Что же королеве оставалось делать, как не согласиться? И она согласилась.

Правда, куртку королева вычистила из рук вон плохо, но много с неё и нельзя было спрашивать — ведь всё-таки она была королева. Получив дудочку, она крепко-накрепко завязала её в свой шёлковый носовой платок, а платок спрятала в кружевной рукав.

Но это нисколько не помогло, и, когда королева вернулась в замок, платок был на месте, и завязан он был по-прежнему, а дудочки в нём не было.

Тут уж король совсем рассердился.

— Что за ерунда! Я вижу, что у меня в королевстве никто ничего не умеет делать. Придется идти мне самому. Иначе мы так и не получим эту дурацкую дудочку.

И вот на следующее утро король отправился в лес.

Он милостиво кивнул Эспену и запросто уселся рядом с ним на травку.

Король угостил Эспена своим королевским табаком и даже дал ему затянуться из своей королевской трубки. Они беседовали как самые добрые друзья, и никто бы не сказал, что один из них — король, а другой — пастух.

Когда все любезности были закончены, король наконец приступил к делу.

— Послушай, Эспен,— сказал он, пуская дым кольцами,— говорят, у тебя есть какаято дудочка.

— Да, есть,— сказал Эспен.— Она, правда, не золотая, но ни один король не отказался бы от такой дудочки.

И он вытащил её из кармана.

Дудочка, и верно, на вид была неказистая.

Король долго рассматривал её и для верности даже испробовал её волшебную силу. Дунул в один конец — и все зайцы сбежались, дунул в другой — все зайцы разбежались.

— Да, отличная дудочка,— сказал король.— Я понимаю, что даром ты её не отдашь. Но я король и во всем поступаю по-королевски: я даю тебе за эту дудочку тысячу талеров.

— Тысяча талеров это, конечно, не мало, но для такой дудочки и тысяча талеров цена небольшая. Ну да вот что: видите, там на лугу пасётся белая лошадь?

— Конечно. Это моя королевская лошадь. Если ты хочешь, я дам тебе её в придачу.

— Нет уж, оставьте её себе. А я хочу вот что: дайте мне тысячу талеров и поцелуйте эту лошадь, тогда дудочка будет ваша.

Король был очень смущён.

— Послушай, Эспен, нельзя ли придумать какое-нибудь другое условие?

— Нет, ни на что другое я не согласен,— сказал Эспен и лениво зевнул.

— Ну, а можно мне поцеловать лошадь через шёлковый платок?

— Через платок? — Эспен задумался.— А он королевский?

— Ну, конечно, королевский. Он мой, а я — король, значит, платок королевский.

— Ладно, на это я согласен. Целуйте через платок.

И вот — вы только представьте себе! — король подошёл к лошади, накрыл ей морду своим королевским платком и звонко чмокнул лошадь три раза.

После этого он отсчитал Эспену тысячу талеров, взял дудочку, положил её в кошелёк, кошелёк положил в карман, а карман застегнул на пуговицу. И не на какуюнибудь, а на королевскую, потому что у короля даже пуговицы королевские.

Вернувшись в замок, король позвал королеву, принцессу и фрейлину, расстегнул карман, вынул оттуда кошелёк, раскрыл его — и что же вы думаете? — дудочки в нём как не бывало.

Это было уж слишком!

Король так рассердился, что решил немедленно казнить Эспена.

Королева была совершенно согласна с королём, а это случалось не так уж часто.

И вот, когда вечером Эспен привел стадо в замок, король сказал ему, что сегодня его казнят.

Эспен очень удивился.

— Это несправедливо,— сказал он.— Я исправно пас заячье стадо, и теперь вы должны не казнить меня, а отдать мне в жёны свою дочь.

— Пустяки,— ответил король,— сказал казню, значит, казню. Я король, и моё королевское слово неизменно. Разве вот что: если ты сумеешь наговорить целую бочку лжи, да так, чтобы ложь через край потекла, тогда я тебя, пожалуй, помилую.

— Ну, это проще простого! — сказал Эспен.— Прикажите только выкатить бочку.

И он стал рассказывать обо всём, что с ним было: как он пошёл наниматься в пастухи, как встретил на дороге старуху, которая прищемила себе нос, как он помог ей вытащить нос и в награду за это получил волшебную дудочку.

Все очень смеялись над небылицами, которые сочинял Эспен.

— И вот,— рассказывал Эспен,— пришла ко мне первая фрейлина королевского двора и стала просить эту дудочку. Ей так хотелось получить эту дудочку, что она даже согласилась прислуживать мне и сняла с меня сапоги — сперва левый, потом правый!

— Неправда! — закричала фрейлина.

И все придворные закричали:

— Неправда!

— Ну, может быть, сперва правый, а потом левый! — сказал Эспен.

— Неправда! Неправда! Он всё лжёт! — кричала фрейлина чуть не плача.

— Да ведь мне и велено говорить неправду,— сказал Эспен.— Целую бочку надо наполнить ложью! Слушайте-ка лучше, что было дальше. На другой день явилась ко мне принцесса. Чтобы получить волшебную дудочку, ей пришлось набить и раскурить мне трубку...

— Это ложь! Как ты смеешь! — закричала принцесса.

— Ну конечно, ложь,— сказал Эспен.— Правдой бочку не наполнишь, вот я и плету невесть что... А потом пришла ко мне сама королева...

— Кажется, бочка уже совсем полна,— сказала королева, с беспокойством поглядывая на Эспена.

— Э, нет, еще далеко не с верхом,— сказал король.

— Ну, раз не с верхом, надо ещё врать,— сказал Эспен.— Так вот, пришла ко мне сама королева. Торговалась она и рядилась, словно на базаре, и всё-таки пришлось ей выложить триста талеров и вычистить мне куртку.

Все придворные так и замерли, а Эспен как ни в чём не бывало спросил:

— Ну, как там — полна уже бочка?

— Полна, совсем полна,— поспешно сказал король.

— Нет, нет, еще не с верхом,— решительно сказала королева.

Эспен почесал затылок.

— Что бы мне ещё придумать? А, знаю!

После всех пришёл ко мне король. А как раз в это время на лугу паслась его белая лошадь...

— Стой! Стой! — закричал король.— Не видишь, что ли, ложь через край льёт!..

Так и пришлось королю отдать принцессу за простого пастуха, да в придачу ещё подарить половину королевства, чтобы жил там Эспен Лежебока как ему вздумается, а на его королевскую половину и не заглядывал.

